

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-860-870

EDN: EMRKDP

Рецензия / Review article

**Преодолевая традиционный комплекс неполноценности
русской интеллигенции: рецензия на учебник:
Русская политическая мысль: о государстве, о стране,
о народе / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой.
Москва : Аспект пресс, 2024. 807 с.**

М.Д. Бухарин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ michabucha@gmail.com

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бухарин М.Д. Преодолевая традиционный комплекс неполноценности русской интеллигенции: рецензия на учебник: Русская политическая мысль: о государстве, о стране, о народе / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой. Москва : Аспект пресс, 2024. 807 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 860–870. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-860-870>

**Overcoming the Traditional Inferiority Complex
of Russian Intelligence: Review of the Handbook:
Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A. (Eds.). (2024).
Russian Political Thought: About the State, About the Country,
About the People. Moscow: Aspect Press, 807 p.**

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ michabucha@gmail.com

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bukharin, M.D. (2024). Overcoming the Traditional Inferiority Complex of Russian Intelligence: Review of the handbook: Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A. (Eds.). (2024). Russian Political Thought: About the State, About the Country, About the People. Moscow: Aspect Press, 807 p. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 860–870. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-860-870>

© Бухарин М.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Авторы учебника «Русская политическая мысль: о государстве, о стране, о народе...», подготовленного под редакцией Т.А. Алексеевой и Г.Т. Сардаряна [Русская политическая мысль 2024], создали труд, уникальный не только в отечественной, но и в мировой политической науке. До настоящего времени ни в нашей стране, ни за рубежом не было подобной целостной работы по истории отечественной политической мысли. Существовали написанные в эмиграции фундаментальные работы отца В.В. Зеньковского (1881–1962) и Н.О. Лосского (1870–1965) [Зеньковский 1991; Лосский 2007], но они относятся хронологически к середине прошлого века, а концептуально — к истории философии, а не политической мысли. В советское время русская политическая мысль подавалась сквозь призму марксистско-ленинской идеологии: приоритет отдавался революционным демократам начиная от А.Н. Радищева (1749–1802). После распада СССР акцент в изучении русской политической мысли сместился на религиозную философию «Серебряного века» [Новая философская энциклопедия 2010], при этом история отечественной политической философии освещалась по-прежнему фрагментарно. Теперь читателям предложена целостная и последовательно представленная история русской политической мысли.

Хронологический подход, положенный в основу книги, абсолютно верен. В большинстве дореволюционных работ историю русской философии (включая политические идеи) было принято начинать примерно с середины XVIII в. — периода после «Петровской революции». В советской науке история русской мысли начиналась еще позднее — с рубежа XVIII–XIX вв., когда возникло так называемое «освободительное» (т.е. революционное) движение. Однако авторы «Русской политической мысли...» доказывают, что оригинальная политическая философия зародилась еще в Древнерусском государстве и до начала XVIII в. прошла долгий и очень интересный путь развития, переживая периоды взлета, расцвета и упадка. Подобное «удревнение» на шесть веков истории русской политической мысли позволяет переосмыслить многие моменты. В таком ракурсе, например, появление русской религиозной философии в конце XIX в. было не радикальным поворотом, а скорее, восстановлением русских традиций: кратковременный светский период развития русской мысли уместился всего в полтора столетия.

Не менее интересна и верхняя граница повествования. Авторы книги не завершают работу ни 1917 г., ни современностью, как это принято в большинстве монографий по истории русской общественной мысли. Здесь история русской политической философии заканчивается серединой XX в. — примерно концом Второй мировой войны или даже первым послевоенным десятилетием, если взять русское зарубежье. На первый взгляд такой выбор финала кажется не совсем логичным. Однако при некотором размышлении начинаешь понимать его оправданность: в середине XX в. закончилась именно история русской политической мысли. Поколение, жившее в те годы, уже отошло в вечность, заняв свои места рядом с Татищевым, Карамзиным, Достоевским и Кропоткиным. Поколение второй половины XX в. еще живо и оценить, кто из наших современников достоин занять свое место в пантеоне отечественных мыслителей, пока

трудно. Здесь в самом деле проходит граница между историей и современными процессами, и оценку истории русской мысли после примерно 1960 г. авторы оставляют будущему. Вместе с тем современный период отчасти отражен в общих главах, посвященных проблемам интеллигенции и национальной безопасности.

Методологически книга разрывает с марксистской традицией, рассматривавшей политическую философию как фундамент для идеологии, которая в свою очередь, выступает производной от классовых интересов. Для авторов в фокусе внимания выступает Россия как национальное государство, в котором существовало несколько разных трактовок его интересов как целостной и внутренне консенсусной общности. «Речь идет о политической мысли как поиске вариантов стратегии, ибо без нее не может быть ни политики, ни истории», — указывают редакторы в предисловии [Русская политическая мысль 2024: 9]. Сначала спор об интересах Русского государства шел в религиозном формате. Примерно с середины XVIII в. он стал приобретать светскую основу, в следующем XIX в. разделился на привычные нам консервативную, либеральную, левую мысль. Но все это происходило в едином культурно-цивилизационном поле, которое адаптировало иностранные заимствования и отбрасывало их «неусвояемый» для русской культуры пласт.

И вместе с тем предлагаемая работа — не научная монография, а учебник. Она адресована прежде всего студентам и преподавателям, и только потом — специалистам историкам и философам. Задача этого учебного курса — дать представления об истории развития русской политической мысли, как она развивалась от одного памятника к другому. Авторы стремятся изложить материал в доступной для студентов форме, создать специальную «лоцию» текста, отделив разделы «справочно» (минимум знаний) от остального текста. В конце каждого раздела приведена литература (прежде всего новейшая) о персоналии или тематическом блоке. По данному учебнику легко выстроить учебный курс, разделив информацию на лекции и семинарские занятия по обоим полугодиям. Книга также снабжена иллюстрациями: по древнерусскому периоду миниатюрами или более поздними классическими картинами, начиная с XVII в. портретами, позволяющими лучше усвоить образы изучаемых мыслителей.

Между монографией и учебником существует принципиальное различие. Монография предназначена для коллег-ученых и ориентирована в первую очередь на научную аудиторию, если только это не научно-популярное издание типа книг серии «Жизнь замечательных людей». Учебник ориентирован прежде всего на студента и учебный курс. Вот почему так важно изложить материал доступным языком и показать логику эволюции материала. Так поступили и авторы «Русской политической мысли...». Они не стали уходить в длительные терминологические и методологические дискуссии, а показали, как развивалась русская политическая философия. «Кирпичиками» текста здесь выступают сначала произведения, а затем персоналии, которые складываются в общие типологические ряды — определенные этапы эволюции русской политической мысли. Перед нами очень хорошая основа лекционной структуры будущих курсов.

За минувшие тридцать лет в нашей стране вышло немало литературы о природе и характере Русской цивилизации. Их авторы исследовали культурно-историческое поле, лежащее в основе русской идентичности. Однако им всем не хватало исторической основы – истории русской общественно-политической мысли, на которую можно было бы опереться. Работа коллектива авторов под редакцией Т.А. Алексеевой и Г.Т. Сардаряна заполняет эту лакуну и позволяет нам лучше понять это поле. Таким образом авторы обосновывают новую и во многом оригинальную схему развития русской политической мысли.

На первом этапе (примерно с XI до конца XVI в.) русская политическая мысль была построена на религиозном фундаменте. Зародившись под византийским влиянием, она осмысляла мир через сложные библейские символы. Как отмечают авторы, русские летописцы писали историю не какой она была, а какой она должна была предстать на Страшном Суде. В XIII в. под влиянием монгольского вторжения древнерусская мысль становится эсхатологичной: ее основу составляли ожидания скорого конца Света. Само монгольское нашествие осмыслялось в Русских землях в библейских категориях похода израильтян, предвещающего последние времена. «Русские книжники искали в событиях первой половины XIII в. знамения, предвещающие «конец времен». Татар воспринимали как полумифический библейский народ, приход которого будет означать приближение последних времен и Страшного суда — смысла жизни христиан» [Русская политическая мысль 2024: 83]. Например, сожжение силами Бату Успенского собора во Владимире в феврале 1238 г. было осмыслено как сожжение Антиохом IV Иерусалимского храма во II в. до н.э. [Русская политическая мысль 2024: 88].

Авторы не забывают о том, что многие памятники древнерусской литературы во многом сконструированы в XIX в. Почти в каждом разделе о древнерусской мысли приведена интересная дискуссия о подлинности памятника и времени его датировки. За этим, полагаю, стоит более серьезная проблема: русские источники имеют слоистую структуру. Они чаще всего осмысляют древнерусское прошлое с эсхатологических позиций XIV–XV вв. Насколько она соответствовала реальному мироощущению русских людей XI–XIII вв., сказать сложно, так как ранние русские летописи до нас не дошли. Книга доказывает нам, что на проблему подлинника и фальсификата можно посмотреть с другой стороны: все древнерусские тексты одновременно и подлинны, и неподлинны, поскольку они осмысливают прошлое с позиций Библии и более поздней эсхатологии [Русская политическая мысль 2024: 76–77].

К концу XIII в. в «Поучениях Серрапиона Владимирского» эсхатология стала превращаться в религиозную концепцию символического наказания Руси: мотив, который мы видим и в повестях «Зарайского цикла». Но наказание можно искупить покаянием, о чем говорят нам произведения «Куликовской цикла»: с XV в. начинается возрождение Руси. Авторы соглашаются с известным литературоведом Г.М. Прохоровым, что сама «Повесть о Батыевом нашествии» была написана около 1377 г., т.е. накануне Куликовской битвы [Русская политическая мысль 2024: 86]. В ней великие Владимирские князья уже не просто жертвы вторжения, а борцы за христианскую веру, что и станет основой для спасения.

Авторы подчеркивают, что сама Куликовская битва рисовалась как своеобразный Армагеддон: битва христиан против нехристиан – вплоть до того, что страдания русских воинов напрямую по часам отражались со страданиями Христа [Русская политическая мысль 2024: 126–127]. Это закладывало новую парадигму русской мысли: возрождение после страданий и покаяния. Последнее резко отличало ее от средневековой западноевропейской мысли времен Крестовых походов: европейский рыцарь или монах мог разговаривать с неверными только с позиции силы или возмездия, в то время как русский книжник не стеснялся показать слабость и страдания Русской земли, видя в них христианский подвиг.

В XVI в. эсхатологические мотивы приобретают новое звучание. Процесс возникновения Русского государства происходил на фоне падения Византии, отказа Русской церкви признать Ферраро-Флорентийскую унию с Римско-католической церковью и брак Ивана III с византийской царевной Софьей Палеолог. Все это способствовало не только утверждению в русском обществе взгляда на Русское государство как наследницу и прямое продолжение Византии. Но одновременно в начале XVI в. оформляется образ Русского царства как последнего православного царства в мире, которое должно погибнуть от рук неверных [Русская политическая мысль 2024: 164]. Русское государство как бы получает долг перед остальным миром: отсрочивать наступление последних времен.

Здесь нельзя не обратить внимание на интересный (и, пожалуй, один из самых ярких в книге) раздел о русской мысли периода царствования Ивана IV Грозного (1533–1584). Авторы рисуют его не как царство террора и деспотизма, а, скорее, как «темное время», от которого сохранилось немного первоисточников [Русская политическая мысль 2024: 172]. Взгляд авторов расходится и с либеральной, и с консервативно-государственнической трактовкой времени Ивана IV. Мы читаем, что в период коронации Ивана IV 1547 г. в русском обществе были сильны надежды на приход подлинного «царства», «Нового Иерусалима». Однако в 1560-х гг. что-то пошло не так: внезапно прерывается работа над «Степенной книгой» и «Лицевым летописным сводом» (то есть концепцией русской истории в ее связи с Библией), меняется роспись Архангельского собора – усыпальницы Великих князей Московских, загадочно переписывается «Житие Евфросиньи Суздальской» и возникает не менее темная «Беседа Валаамских чудотворцев», о датировке и смысле которой историки спорят до сих пор, создается «Казанская история», расходящаяся с современными представлениями об истории Казанского ханства. К этому времени относится и «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», в подлинности которой не без оснований сомневаются современные историки [Русская политическая мысль 2024: 189], но в которой зачем-то излагается вся концепция царствования Ивана Грозного [Русская политическая мысль 2024: 187], запечатленная во множестве романов, повестей, картин и кинолент. Концепция «Москва – Третий Рим» или «Новый Иерусалим» не состоялась, а Русское царство не справилось для современников со своей ролью. Возможно, именно в этом разочаровании и стоит поискать истоки масштабного кризиса конца XVI в., который и привел к Смуте.

Второй этап истории русской политической мысли авторы относят к периоду XVI—XVIII вв. Это само по себе заслуживает внимания, ибо обычно исследователи жестко противопоставляют якобы традиционный XVII в. европеизированному петровскому XVIII в. Но авторы убедительно демонстрируют нам, что «в действительности все было не так, как на самом деле». Семнадцатый век – это век церковного раскола, отбросившего предшествующую русскую культуру как неправильную, еретическую и подлежащую исправлению. Но и раскольники во главе с протопопом Аввакумом звали к простой «русской вере», а не к сложным библейско-эсхатологическим построениям XVI в. Пётр I (1682–1725) не разрушал традиционную русскую культуру: она погибла в период церковного раскола или, как утверждали сами старообрядцы, «ушла под воду как Град Китеж». Скорее, имперский выбор, который предложил России Пётр I, позволил ей выйти из тяжелого религиозного кризиса XVII в.

Книга доказывает, что Пётр I вовсе не прорубал «окно в Европу»: оно было прорублено задолго до него, только в другую Европу. При дворе первых Романовых укреплялась партия, смотрящая на Запад католический – Речь Посполитую, итальянские государства, меньше Францию. Политика патриарха Никона опиралась на Киевскую митрополию, балансировавшую рядом с Греко-католической (униатской) церковью [Русская политическая мысль 2024: 231–233]. При русском дворе колоссальную роль играл воспитанник иезуитов Симеон Полоцкий (1629–1680), затем его ученики-филокатики Карион Истомин (ок. 1640-х — 1722) и Сильвестр Медведев (1641–1691). (Последний, правда, незаслуженно забыт авторами учебника, что странно, учитывая, какому детальному и интересному разбору подвергнуто творчество Кариона Истомина.) Основой концепции русской истории, связывающей Москву и Киев, стал киевский «Синописис», написанный около 1674 г. предположительно Иннокентием Гизелем на основе источников Речи Посполитой [Русская политическая мысль 2024: 260]. В 1687 г. в Москве открылась Славяно-греко-латинская академия, взявшая за основу программу католического Падуанского университета [Русская политическая мысль 2024: 252]. Во внешней политике Русское государство в 1686 г. заключило «вечный мир» с Речью Посполитой, перенеся усилия на борьбу с Османской империей. Альтернативой петровским реформам были не народные традиции, не Русское царство времен Ивана IV, а модернизация по католическому (точнее, униатскому) образцу.

Пётр I просто развернул Русское государство к протестантской Европе. Эталонами модернизации стали Голландия и Швеция, а сама Русская церковь перестроилась по лютеранскому образцу. Последствием Петровских преобразований стала не «европеизация», а стремительная германизация Российской империи – от появления большого немецкого населения до перевода государственных должностей на немецкий стандарт. Но лютеранство постулировало подчиненность церкви государству: лозунг «чья власть – того и вера» стал основой Германии. («Священник не „Младший Бог“, а лишь чиновник

и консультант» — основа лютеранства.) Под лютеранским влиянием русская политическая мысль отходит от церковной. Толчком к этому становится полузабытый, но хорошо изученный авторами «Феатрон исторический» («Лютеранский хронограф»), привносящий в Россию протестантский взгляд на всемирную и русскую историю [Русская политическая мысль 2024: 284–289]. Этатизм как безоговорочный культ военных побед и территориальной экспансии, восходящий к петровской эпохе, принимает в XVIII в. форму государственной идеологии, достигая максимума при Екатерине II (1762–1796).

Здесь бросается в глаза важный момент: между XVIII и XIX вв. в русской мысли лежит идейная пропасть. В XVIII в. русская власть и большая часть русского общества видели Россию как грандиозный эксперимент, страну с неправильной историей и культурой, которую Пётр I начал преобразовать в «правильную» империю. Отсюда следовала и максима того времени: «Настоящая Россия началась с Петра». Французские просветители и вовсе рекомендовали Екатерине II окончательно заменить якобы «неправильную» старую русскую культуру правильной просветительской – не французской, не английской, не немецкой, а именно абстрактной «цивилизованной» культурой, построенной по античным образцам. Период Екатерины II, Павла I и Александра I – это период имперский идеологии, когда Петербург становится «русской Античностью». Впервые в истории русские победы изображаются в образах античных колонн, росписей олимпийских богов, сама Россия в образе торжествующей Афины, петербургские особняки строятся в псевдо-римском стиле ампира, а вельможи хоронят не с православными крестами, а с древнеримскими надгробиями. Румянцев сравнивают с Помпеем, Суворова с Цезарем, а Отечественную войну 1812 г. — с победой римлян (читай русских) над великим Ганнибалом (Наполеоном). Но этот «русский ампира» не пережил Александра I и стал экзотикой уже для Николаевской России середины XIX в.

В этой связи я не могу до конца согласиться с трактовкой авторами политической философии Н.М. Карамзина (1766–1826). В учебнике он представлен как чуть ли не певец и теоретик самодержавия [Русская политическая мысль 2024: 324–326]. Но именно Карамзин убил это мировоззрение XVIII в., рассматривавшее Россию как страну-эксперимент. Карамзинская «История государства Российского» открыла тысячелетнюю русскую историю, в которой петровская эпоха была лишь одним из эпизодов. В «Бедной Лизе» Карамзин впервые обращается к «народной правде» – пусть пока под наивным лозунгом, что крестьянки чище, добрее и нравственнее дворян. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» 1811 г. автор «Бедной Лизы» критикует петровские преобразования и предлагает государю ценить больше мудрость «хранительную», то есть отказаться от просветительского взгляда на Россию. Карамзин – теоретик самодержавия, но не «Петровской империи». (Подобную идеологию можно увидеть и в пушкинском «Медном всаднике»: воспевая во вступлении имперский Санкт-Петербург в духе Ломоносова, поэт дальше показывает, как столицу империи рушит буря). Наоборот, после Карамзина мировоззрение петровской империи становится уже невозможным.

Третий этап авторы датируют XIX в. Именно в это время формируются идеологии консерватизма, либерализма, а во второй половине века и «Левая идея» в ее различных вариантах — от социалистов и народников до анархистов. Однако все эти идеологии были недружественными Российской империи в ее Петровском формате. Авторы не случайно использовали термин «метафоры Руссо» в России [Русская политическая мысль 2024: 335]. Все эти идеологии были антиимперскими. Для консерваторов и славянофилов империя была «слишком немецкой», для либералов — слишком «неконституционной», для левых — социально несправедливой. Защитников имперской парадигмы развития, как отмечал русский философ Г.П. Федотов, уже к середине XIX в. практически не осталось. Авторы верно отмечают, что поворот начался в царствование Николая I (1825–1855), когда министр просвещения С.С. Уваров создал в 1830-х гг. так называемую «теорию официальной народности» как триединую формулу «Православие — самодержавие — народность» [Русская политическая мысль 2024: 364–365]. (Кстати, оба они — и Николай I, и С.С. Уваров находились под сильным влиянием Н.М. Карамзина.) Но эта формула уже не предполагала четвертого элемента — культа империи. Примечательно, что в 1833 г. был сделан выбор в пользу нового гимна «Молитва русского народа» («Боже, царя храни!») вместо полуофициального екатерининского «Гром победы, раздавайся!» Сама власть катализировала процесс, который привел к разрушению имперской идентичности.

Интересный момент — на с. 414 учебника приведен портрет немецкого историка Якоба Филиппа Фальмерайера (1790–1861). На первый взгляд странно, что немецкий историк удостоился места в истории русской политической мысли. Но, как демонстрируют авторы, Фальмерайер занял его вполне заслуженно. Именно он доказывал, что Российская империя была, по сути, империей германской, импортированной на Восток во внегерманские земли. Неимперская Россия должна будет отказаться от «петровского наследия»: вернуться к византийским образцам и стать врагом германской Европы. Друг Фальмерайера — дипломат, поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев (1803–1873) — на исходе жизни полностью согласился со своим немецким единомышленником: имперская, германизированная Россия со столицей в Санкт-Петербурге не сможет стать объединителем славян. Для этого России следует вернуться к византийским образцам, вернуть столицу в Москву или даже в Киев (о чем размышлял на исходе жизни сам Тютчев) и снизить роль германизированной элиты [Русская политическая мысль 2024: 428].

Славянофил И.С. Аксаков, вторя Фальмерайеру, писал: «Для них существует Россия — только как Российская империя, а не как Русь, не как Русская Земля, под защитой которой могут находиться области, населенные и другими народностями. Идеал, который немцы проповедают для России — это воплощение отвлеченной идеи государства, *вне народности*, такая Россия, в которой бы ничего Русского, выдающегося вперед, не было («никакого *Betonen* Русской национальности»)!» совершенное подобие Австрийскому гевамт-фатерланду, где, как мечтал Австрийский министр Бах, по механизму, введенному Венским правительством,

должна была бы жить и двигаться только одна-единая – *Kaiserlich-königliche Nationalität* – императорско-королевская национальность¹.

Однако и русские либералы, как показано авторами в главе 10, не так далеко ушли от Аксакова, проповедуя «православие и народность», но без самодержавия. Левые XIX в. опять-таки проповедовали «культ народа» и «неправду империи», то есть антиимперский путь развития. Социалист А.И. Герцен и анархист М.А. Бакунин писали статьи, почти в точности повторявшие антиимперские мысли Аксакова. Пожалуй, только Ф.М. Достоевский пытался найти спасительный для империи синтез православия, народности и империи, но его попытка, надо признать, закончилась неудачей. Зато вряд ли случайно, что, как показали авторы, в Германии Достоевский нашел свою «вторую родину»: понять немецкую политическую мысль XX в. без его философии невозможно [Русская политическая мысль 2024: 404].

Не была дружественной империи и русская религиозная философия. В книге посвящено немало места ее основателю — В.С. Соловьеву, который одновременно был филокатоликом. Но Соловьев, верно отнесенный авторами к консерваторам, не был имперцем: он выступал за религиозную миссию России, отвергая ее миссию имперскую. От Соловьева начинается уже противопоставление религии империи, откуда уже прямой путь лежит к православному возрождению начала XX в. с его культом допетровской России. Призыв Соловьева к России стать «востоком Христа, а не Ксеркса» означал отказ от имперского наследия Санкт-Петербурга и возвращение к религиозным скитам и монастырям допетровского Русского царства (кстати, сквозная тема финального романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). Здесь интересен и парадокс В.С. Соловьева, нередко незаслуженно забытый в наши дни: славянофилы самые нерусские авторы, так как представляют собой импортированный в Россию пангерманизм [Русская политическая мысль 2024: 453].

Соловьев балансировал рядом с католичеством, и вопрос о том, стал ли он католиком, остается открытым. Его последователи (от Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева до отца Павла Флоренского) искали вселенский смысл в русском православии, а не в католичестве, но не находили его. Их православие все сильнее возвращалось к допетровской и близкой к старообрядчеству традиции, отвергая имперскую идентичность. Пушкинская фраза «Люблю тебя, Петра творенье, // Люблю твой строгий, стройный вид» была им уже непонятна: они любили допетровские фрески кремлевских соборов, уносящие в иной мир одновременно скорбной и радостной Руси. (Это хорошо показано на картинах художника М.В. Нестерова, часть которых авторы справедливо выбрали в качестве иллюстраций.) Задолго до революции 1917 г. идейный фундамент Российской империи (в ее петровском качестве) оказался исчерпанным: вопрос заключался в том, что придет ему на смену.

¹ Аксаков И.С. Как понимает остзейский немец идеал России? URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Как_понимает_Остзейский_Немец_идеал_России_ (Аксаков)/ДО (дата обращения: 20.10.2024).

Эта проблема исследуется в четвертой части работы, которая посвящена первой половине XX в. — «Русская политическая мысль периода революций и реформ». Авторы сначала рассматривают идейно-политическое наследие русских государственных деятелей начала века (прежде всего С.Ю. Витте и П.А. Столыпина), фиксируя их неспособность спасти империю. Далее следуют главы об идейной борьбе внутри большевизма, завершившиеся победой сталинского проекта как новой формы русской государственности. Идейная борьба смещается в Русское зарубежье, где зародилось евразийство — как проект преобразования Русского государства на новых началах. Евразийский проект окажется востребованным в России уже XXI в., что делает книгу актуальной в наши дни.

В этой части затронута и тема несостоятельности русского либерализма. Авторы доказывают, что либеральная альтернатива самодержавию в начале XX в. не имела никаких шансов на победу. Д.С. Мережковский практически ушел в эмиграции к фашизму, Н.А. Бердяев — в религиозные проблемы, мыслители типа Г.Ф. Шершеневича не выдвинули никаких ярких идей кроме повторения идеала «правового государства» [Русская политическая мысль 2024: 548–549]. Зато либералы совершенно игнорировали подъем мысли на национальных окраинах Российской империи, подробно изученный в работе. Национализм на Кавказе, Украине, в еврейской среде бросал вызов империи, и либералы не могли найти на него ответ. (Только Г.П. Федотов спохватился в эмиграции, написав в 1947 г. программную статью «Судьба империи», когда было уже поздно.) Все это звучит очень современно и дает нам ключи к пониманию трагедии русского либерализма конца XX в., также не сумевшего предложить СССР и России ничего, кроме повторения американских книг пресловутого Р. Пайпса.

Завершают книгу две главы, построенные по проблемному, а не персональному критерию — о русской интеллигенции и проблемах национальной безопасности. Авторы размышляют об этих по-настоящему вечных для России проблемах, показывая, что они остаются актуальными и в наши дни. Книга как бы размыкается в современность, хотя связывающий мост от середины XX в. до наших дней еще, думаю, предстоит возвести.

Все это делает работу «Русская политическая мысль» актуальной для нашей науки. Хочется надеяться, что она вызовет широкий круг дискуссий, породив интерес к русской политической философии. Но главное — она преодолевает традиционный комплекс неполноценности русской интеллигенции, что наша политическая мысль была вторичной. У России, как мы теперь видим, была своя оригинальная и очень богатая политическая философия. В этом отношении книга и как учебник, и как монография на долгие годы останется, полагаю, безальтернативной.

Поступила в редакцию / Received: 12.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 22.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Зеньковский В.В. История русской философии: в 4 т. Ленинград : Эго, 1991.
- Лосский Н.О. История русской философии / пер. с англ. Москва : Академический проект, 2007.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Мысль, 2010.
- Русская политическая мысль: О государстве, о стране, о народе: учебник для вузов / под ред. Г.Т. Сардаряна, Т.А. Алексеевой. Москва : Аспект Пресс, 2024. 807 с.

References

- Zenkovsky, V.V. (1991). *History of Russian philosophy*. In 4 volumes. Leningrad: Ego. (In Russian).
- Lossky, N.O. (2007). *The history of Russian philosophy*. Moscow: Academic Project. (In Russian).
- Stepin, V.S. (Ed.). (2010). *The New Philosophical Encyclopedia*. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Sardaryan, G.T., & Alekseeva, T.A., (Eds.). (2024). *Russian political thought: About the state, about the country, about the people*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бухарин Михаил Дмитриевич — академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (e-mail: michabucha@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3590-016X)

About the author:

Mikhail D. Bukharin — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (e-mail: michabucha@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3590-016X)